

Елена Сазыкина

*Девять писем
об отце*

Елена Сазыкина

Девять писем об отце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17711752

ISBN 9785447457068

Аннотация

Роман о жизни Исаия Шейниса (1937—1994) – школьного учителя, поэта, барда – охватывает несколько эпох русской жизни: от сороковых годов двадцатого века до наших дней. Главы книги оказываются частями таинственной рукописи, которые взрослый сын Исаия ежегодно обнаруживает в своем почтовом ящике. Стремясь выяснить, кто автор и отправитель этих «писем», сын разыскивает людей, упомянутых в рукописи. Все они видят Исаия живым в наши дни.

Содержание

Предисловие	5
Благодарность	8
Пролог	10
1. «Где солнце гуляет по кругу...»	13
2. «А вдруг сирень цветет – не только в мае?»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Девять писем об отце

Елена Сазыкина

© Елена Сазыкина, 2016

© Дарья Михайловна Коршунова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-5706-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я узнал одну тайну, именно: что душа – это лишь форма бытия, а не устойчивое состояние, что любая душа может стать твоей, если ты уловишь ее извивы и последуешь им.

Владимир Набоков

*Но я надеюсь, что хоть ты
Меня допишешь аккуратно.*

Исай Шейнис

Несколько лет назад, когда меня спрашивали «Кто такой Исай Шейнис?», я отвечала: «Бард, поэт, учитель. Непременно послушайте его песни».

Сегодня к этому ответу я бы добавила: «Это часть моей жизни и меня самой. Моя любовь и альтер эго».

Есть слова, что сдвигают орбиты судеб. У каждого они свои. Для меня строка из Шейниса «О жизни не петь нельзя» в свое время прозвучала так: нельзя не писать книгу. Книгу об учителе и поэте.

В поисках биографического материала я обратилась к тем, кто хорошо знал моего будущего героя. Но каждый из них хранил в своем сердце собственный, неповторимый образ: Исай – друг, Исай – студент, Исай – отец, Исай – учитель. Эти образы оказались разъединены не только временем, но и ра-

курсом воспоминаний, как грани призмы, которые отражают свет под разными углами, и оттого нельзя увидеть их блеск одновременно. Предстояло соединить их так, чтобы за мерцанием многочисленных граней угадывался сам бриллиант.

Любителям пазлов должно быть знакомо то досадное чувство, когда отсутствие нескольких фрагментов не позволяет собрать воедино все части картины. Когда ты сидишь и разочарованно смотришь на несвязанные осколки (крыльцо от дома, ствол дерева, какой-то прямоугольный предмет, обрывок белого облака, желтый сегмент солнца и загадочный темно-синий штрих). И вдруг понимаешь, что можешь восстановить утерянные звенья и дорисовать картину. И не просто дорисовать, а живо представить, что вот на это самое крыльцо сейчас выйдет человек, может быть, даже твой давний знакомый, что прямоугольник – это часть космической ракеты, готовой к запуску. На дереве растут диковинные фрукты, а загадочный штрих – это крыло волшебной синей птицы, посылающей удачу созданному тобой миру.

В мучительном поиске недостающих фрагментов я следовала «извивам» чужой души, пока не почувствовала, что эта душа становится «моей». В тот же миг досадные пробелы начали заполняться удивительными, зримыми, живыми образами. Порой мне казалось, что я смотрю фильм, в котором мой герой вновь родился, вырос, познал радость и муку любви и творчества, нашел свое призвание, обрел Бога и вновь посвятил себя детям, любви и искусству. Более того, он, как

давний и близкий друг, стал появляться в моей собственной жизни, помогая мне увидеть и постичь эту жизнь во всей ее полноте, со всеми ее смыслами, вымыслами и замыслами.

Почти все персонажи книги – реальные люди, за исключением, разве что, двух-трех образов, чьих следов не осталось на сохраненных капризной Историей фрагментах пазла, но которые в действительности могли бы существовать и даже, я почти уверена, существовали.

Владимир Набоков однажды признался: «Литература – это выдумка... Назвать рассказ правдивым значит оскорбить и искусство, и правду». Мне стоило немалого труда балансировать между «искусством» и «правдой», вымыслом и историей. Насколько удалось этот баланс соблюсти – судить читателю. Выражаю надежду, что герои, смело сохранившие имена своих прототипов, покажутся добрыми знакомыми как самим прототипам, так и тем, кто их знает и любит.

Благодарность

Всем, кто помогал собирать материалы об Исае Шейнисе, его жизни и творчестве: Владимир Соловьев, Николай Тесленко, Галина Гавриловская, Олег Улитин, Арнольд Стуканов, Эдуард Малиенко, Алла Рябченко, Геннадий Пономарев, Виктор Исаев, Надежда Валевская (Ушакова).

Тем, кто поделился своими воспоминаниями на сайте [битая ссылка] www.sheynis.ru, и создателям этого сайта.

Сыну Исае – Александру Шейнису – за его неоценимую помощь в предоставлении материалов, за поддержку, энтузиазм и веру в то, что эта книга в конце концов выйдет в свет.

Моему мужу – Виктору Кибанову – за помощь и терпение, а главное – за его трепетное отношение к творчеству Исае и за то, что, вдохнув новую жизнь в его песни, Виктор помог оживить образ их гениального создателя.

Великому ученому Стивену Хокингу – за теорию «наблюдателя»:

«Прошлое, как и будущее, неопределенно и существует в виде спектра возможностей. Одно из следствий теории квантовой механики заключается в том, что события, произошедшие в прошлом, не происходили каким-то определенным образом, а вместо этого произошли всеми возможными способами. Это связано с вероятностным характером вещества и энергии: до тех пор, пока не найдется сторонний

наблюдатель, все будет парить в неопределенности».

Пролог

Все придумано старой гитарой.

И. Шейнис

Тук, тук. Бум... Тук, тук. Бум... Каждый третий удар – громче первых двух, и за ним следует пауза. Все это случилось во сне – ему приснилась новая песня. Сначала родился ритм, потом мелодия оплела его, как стебель вьющегося растения, и сразу же, подобно листьям и цветам, распустились слова. Песня была не похожа ни на что сочиненное или слышанное им ранее, и он замер, боясь упустить хотя бы звук.

Человек проснулся от сильной боли в груди. «Тук, тук. Бум... Тук, тук. Бум...» – чеканило сердце. Кажется, это была какая-то разновидность сердечной аритмии, которую врачи назвали «тригеминия». Все бы ничего, но эта боль... Она мешала вспомнить услышанную во сне песню. Преодолевая боль, а может, пытаясь от нее избавиться, человек поднялся с кровати и, прижимая руку к груди, взгляделся в серую полутьму. Вокруг угадывалась привычная обстановка маленькой комнаты: у стены – кровать, напротив – письменный стол и темное окно. По всей видимости, до позднего рассвета было еще далеко.

Человек подошел к контуру письменного стола и нащупал выключатель. После темноты тусклый свет настольной лам-

пы показался ему яркой вспышкой. Он высветил несколько отдельных листов, в беспорядке разбросанных по столу. Человек собрал листы и бегло их проглядел. Они были исписаны стихами с многочисленными исправлениями. Человек поморщился то ли от боли, то ли от недовольства. «Все не то», – прошептал он и отправил листы в корзину для бумаг. Взгляд его упал на стоявшую в углу гитару.

Было необходимо во что бы то ни стало записать приснившуюся песню. Но сперва – избавиться от боли. Он достал из ящика маленький флакончик и положил под язык таблетку. После этого взял гитару, выключил свет и отправился на кухню. Принялся наигрывать мелодию. Партию ударных исполняло его собственное сердце, чей стук был аритмичным для уха врача, но не для уха музыканта. Сердце воспроизводило размер 6/8 – как раз тот, что звучал в его сне. Человек играл и играл, и с каждым куплетом мелодия выходила все более чисто, пальцы уже легко вставляли на нужные лады, и вот, наконец, он улыбнулся, довольный результатом.

Отложив инструмент, он вышел из кухни, но тотчас же вернулся с парой чистых листов. Теперь он записывал слова новой песни, по ходу оттачивая рифмы. Над готовыми строчками, словно точки над «і», он расставил гитарные аккорды. Закончив, он чуть отстранил от себя лист бумаги и окинул взглядом свое сочинение:

Лети, душа моя, лети!

Свободная от оболочки,
Лети! Я не сумел пройти
Наш путь до самой дальней точки.

Я рад, что грянул праздник твой,
Когда в саду пьяно от вишен.
Но в грустный день сороковой
Не торопись подняться выше.

Увидишь, тучу переждя,
Как полетит с ограды птица,
И с каплей светлого дождя
Слеза твоя ко мне скатится.

1. «Где солнце гуляет по кругу...»

Земной путь человека начинается с яркой вспышки. Именно так воспринимает начало жизни младенец, выходя из утробы матери на свет Божий.

Исай эту первую вспышку не запомнил. Скорее всего, он не придавал ей значения. Дети вообще склонны воспринимать жизнь как данность, так чего уж ждать от младенцев?

Да и как, скажите на милость, можно зафиксировать собственное начало, когда сама Вселенная не оставила нам свидетельств своего зарождения, отдав на откуп ученым и богословам неразрешимый вопрос, откуда произошел весь этот сложный и необъятный мир.

Однако Исай запомнил другую вспышку – с нее, собственно, и начался отсчет, хотя предвещать она могла лишь преждевременный конец. Но тогда, будучи четырех лет от роду, Исай об этом не знал.

Дело происходило в конце осени или в начале зимы, потому что было очень холодно. И темно. И тихо. Единственными окружавшими его звуками был шорох неутомных мышей, ухитрявшихся отыскивать себе пропитание там, где людям уже давно нечего было есть. А еще – шепот матери, но он звучал значительно реже, чем ее же протяжное глухое – «Ч-ш-ш». Она произносила его, прикладывая палец к губам, всякий раз, как Исай начинал шуметь или плакать в гулкой

темноте погреба, в коем они безвылазно обитали уже целый месяц.

Шел второй месяц оккупации Калуги. Штерна Давыдовна скрывалась от немцев со своими детьми – одиннадцатилетней Олей и четырехлетним Исаем – в картофельном погребе дома, расположенного в Острожке, на самом краю города, рядом с бездонным оврагом, за которым сразу же начиналась березовая роща.

Тетя Шура, хозяйка дома, приходила к ним два раза в день, а точнее, один раз перед рассветом и один раз – после заката, чтобы принести скудную еду, вынести еще более скудные отходы и перемолвиться с Исиной матерью парой слов. Поэтому, когда дверца в потолке открывалась, то в подвал попадал тусклый серый свет предрассветных или вечерних сумерек. Другого света Исай не помнил. Он не знал, когда был день, и когда наступала ночь. Скорее всего, днем они спали, а бодрствовали по ночам – так было безопаснее.

В тот первый день его осознанной биографии он был разбужен громким топотом сапог у себя над головой и резкими выкриками. Его мать, напуганная этим небывалым шумом, тут же произнесла свое привычное «Ч-ш-ш». Они быстро спрятались за пустыми картофельными мешками, наваленными в углу. И тут произошла та самая вспышка, включившая его сознание: все, что последовало за ней, Исай помнил с удивительной отчетливостью.

Тетя Шура держала корову, и в тот день немцы явились

за молоком, а заодно решили поискать в доме картошку. За ней и полезли они в погреб, где тетя Шура скрывала соседей-евреев.

Распахнутая грубым движением дверца погреба в одно мгновение впустила сразу столько света, сколько этот погреб не видывал за весь последний месяц. Мать зажала Исаю рот рукой, но в этом не было большой необходимости: ослепленный ярким светом и напуганный громкими звуками ребенок и без того сидел сжавшись и затаив дыхание. Немцам, пришедшим с обходом, погреб показался слишком темным. Они о чем-то перемолвились, и один из них защелкал выключателем фонарика. Щелчки раздались несколько раз, после чего немец начал громко ругаться – фонарик никак не хотел работать.

– Да что ж вы мне не верите? – повторяла тетя Шура как ни в чем не бывало, – говорю вам, нет у меня ничего. Вы еще на той неделе забрали последнюю картошку, а в декабре-то откуда новой взяться, ну сами посудите? Теперь только следующим летом, а раньше можете и не соваться. И вообще б мои глаза вас не видели...

Немцы не поверили, что ничего нет, и один из них полез в погреб проверять, правду ли говорит хозяйка, но сослепу ударился головой о деревянную перегородку и стал, бранясь, выбираться обратно.

– Ну вот, и нечего было лезть, и так ведь видно, что пустой погреб.

– А чефо так фоняет? – спросил один из незваных гостей.

– Так мыши с голоду все передохли, вот и воняет, – отвечала находчивая тетя Шура. Этот довод, видимо, возымел эффект.

Дверца в потолке закрылась и наступила привычная темнота. Лишь где-то вдалеке гулко отдавались стихающие шаги и голоса уходящих солдат.

...

Через три недели бойцы Советской Армии освободили Калугу. И тогда Исина жизнь продолжилась уже на поверхности Земли – на свету, среди многообразия повседневных звуков, среди запахов морозного утра, затем тающего снега, а вскоре уже и нагретой весенним солнцем влажной земли с щедро цветущими на ней садами и лугами.

Через много лет Исай узнал от матери, что за время, проведенное ими в погребе, немцы расстреляли сестер Штерны Давыдовны, а отважная тетя Шура рисковала собственной жизнью, укрывая их.

...

С крыши дома Соловьевых, куда друзья – Володька и Исай – любили тайком забираться, открывался величественный вид с церквями, скверами, лесами. С запада через луг был виден бескрайний бор, с дымками паровозов у горизонта: там проходила железная дорога на Киев. Живописная долина реки Яченки, впадающей в Оку, рядом водокачка и развалины Лавреньтевского монастыря. На севере находился

невидимый вокзал, и по утрам через окно слышались команды: «Товарный состав на третий путь!» В синем небе летали голуби, от бора к ним тянулись ястребы, и мальчишки не раз становились свидетелями трагедий голубиных стай.

Школьные друзья, они же и друзья на всю жизнь...

Почему, интересно, так происходит? Что такое особенное сплачивает людей в этом невинном, уязвимом и, в то же время, мало осознанном возрасте?

Неужели причиной тому – собранные вместе по полям и принесенные в школу снаряды и гильзы? Неужели в едином разбойничье-экспериментаторском порыве вывинченные в классе электрические лампочки и затем ввинченные обратно уже с мокрой бумагой, проложенной между цоколем и патроном? Неужели чтение под партой «Двенадцати стульев» во время урока? Или карикатуры на учителей, гуляющие по классу и вызывающие сдавленное, но единогодушное хихиканье (всем хорошо известно, что, когда смеяться нельзя, то делается особенным образом неудержимо смешно)? А может, те самые посещения крыш и стрельба из рогаток?

Что же соединяет людей в единый сплав, когда соприкосновение душ не поверхностное, когда каждая молекула сливается с каждой молекулой? Почти химическая реакция с образованием нового вещества, которое не расщепляется ни обстоятельствами, ни временем, ни расстоянием. Может быть, в детстве душа еще не покрылась панцирем, и вокруг сердца не сформировалась броня. Еще все слова – честные,

все чувства – неистовые. И содержание мыслей, поступков и бесед не столь принципиально. Гораздо важнее – дружный смех, общие горести и радости, ничем не сдерживаемое воображение, захватывающее дух предвкушение чего-то необыкновенного... Когда и ненависть, и любовь – все в полную меру. И уж если смех, то до колик в животе, до судорог в мимических мышцах, до полного изнеможения. И слезы в детстве еще имеют вкус: соленый, сладкий, горький...

Да, у детей еще нет защиты, которая не только ограждает от внешних опасностей, но и мешает обмену веществом и энергией с этим миром, препятствуя соприкосновению и слиянию душ... Не дает зародиться дружбе и любви.

Друзья, которые появляются позже, это друзья «по интересам», это соперничество интеллектов, это оценка, селекция, осознанный выбор. Это сравнение успехов и неудач, взвешенные компромиссы, взаимовыгодный обмен. Случаются и потом исключения, но чем дальше, тем реже.

Первые учителя – те немногие взрослые, которых еще не судишь, чьих слов и поступков пока не оцениваешь... Непререкаемый авторитет первых взрослых позволяет нам взять от них максимум. У ребенка нет фильтра, который отсеивает «ненужное». Он впитывает *все* и через всю жизнь проносит первые данные ему уроки.

Какие это были уроки? Кроме математики, словесности, химии и прочих дисциплин, Исай получал уроки совести, чести, терпения, ответственности. Были и другие уроки:

ненависти, нетерпимости, предательства и лжи, равнодушия и пренебрежения, но, к счастью, последние – реже, чем первые.

Позднее, когда Исай сам стал учителем, он припомнил чуть ли не по дням свою школу, передумал и переоценил многое и мысленно снял шляпу перед своими педагогами. Да, так устроена жизнь, что учителя получают благодарность от учеников столь отсроченно, что иногда и вовсе ее не дожидаются.

Мария Алексеевна, их первая классная руководительница, без лишних упреков и, можно сказать, рискуя жизнью, каждое утро терпеливо производила обыск портфелей перед входом в класс и извлекала на свет патроны, осколки снарядов, неразорвавшиеся гильзы, а порой и мины. Она понимала, что дети есть дети, и что детскую природу, как, впрочем, и мировую историю, не изменить.

Евламий Алексеевич, учитель физики, был настоящим апологетом проницательности и выдержки. Как-то раз, когда через пять минут от начала урока свет в классе вдруг погас (высохла пресловутая мокрая бумага между патроном и цоколем), он спокойно подошел к двери, открыл ее и убедился, что в коридоре свет горит, после чего невозмутимо разоблачил юных горе-электриков, заставив восстановить освещение в классе, а после окончания уроков провел еще два урока физики, вместо сорванного одного.

А красавица Людмила Федоровна? Учительница русского

языка и литературы, в которую были влюблены полкласса... Володька Соловьев имел талант к рисованию, и не удержался, чтобы не изобразить ее в обнаженном виде. И красиво, надо сказать, изобразил... Портрет вместе с другими карикатурами на учителей гулял по классу и передавался под партами из рук в руки, пока учительница не перехватила эти шедевры. Как ей удалось не покраснеть под тридцатью взглядами подростков? Как удалось спокойно устроить допрос для выяснения авторства рисунков?

Когда очередь отвечать дошла до Исаея, он поднялся, густо покраснел и почему-то ответил: «Да, это я». Наверное, химическая связь с другом Володей не позволила ему ответить иначе. Учительница, впрочем, не поверила ему. «Мне кажется, ты присваиваешь чужие лавры», – сказала она. В качестве эксперта был привлечен учитель рисования, который без труда опознал в конфискованном альбоме художественный почерк Володи Соловьева. За укрывательство и пособничество весь класс был наказан: отныне на уроках рисования было только одно задание для всех – рисовать самого учителя рисования. Учитель вставал в какую-нибудь живописную позу и просил изобразить себя то в качестве римского воина, то еще в каком-нибудь привлекательном виде. «Любите портретную живопись? Совершенствуйтесь на здоровье», – комментировал он, с удовольствием позируя ученикам. Людмила Федоровна же с тех пор полюбила большеглазого отличника Исю и невлюбила шкодного хороши-

ста Володьку.

...

Пожилой мужчина сидел за маленьким письменным столом перед стопкой листов. Он снимал сверху по одному листу, внимательно их прочитывал и складывал рядом. Высокий молодой человек с интересом наблюдал за выражением лица читающего.

Маленькая комнатка со старомодной, но прекрасно сохранившейся мебелью выглядела чрезвычайно ухоженной – ни пылинки, ни соринки, никакого беспорядка. Совсем новенький на вид патефон удивительным образом завершал интерьер. Одним словом, вся обстановка как бы переносила наблюдателя в прошлое, лет на пятьдесят назад. Разве что компьютер на этом фоне выглядел странновато – таким гостем из будущего.

Пока мужчина был увлечен чтением, молодой человек мог хорошо его рассмотреть. Лицо читавшего было красиво, а главное, выглядело молодо, несмотря на присутствие многочисленных примет возраста. Причиной тому было особое озорное выражение, которое, очевидно, было ему присуще с самого детства, и теперь приученные годами мимические мышцы сохраняли его даже в покое. Образ дополнялся копной седых, ничуть не поредевших волос, которые обладатель легким движением периодически отбрасывал со лба назад.

Иной раз, глядя на стариков, трудно сказать, какими они были в юности и тем более в детстве. Однако в этом случае

дело обстояло иначе. Наблюдавший мысленно сличал черты лица читавшего с теми, что были ему знакомы по старым детским и юношеским фотографиям, и удивлялся их схожести.

После очередной прочитанной страницы мужчина, сощурившись, взглянул на молодого человека:

– Ну что ж? – сказал он, улыбнувшись. – Исай не перестает меня удивлять даже оттуда, – с этими словами он на секунду возвел глаза к небу. – Я еще в самом начале, но уже вижу, что это целое открытие, прямо сенсация. Невероятно! Как, ты говоришь, к тебе попала эта рукопись? Тебе известно, кто ее автор?

Молодой человек осторожно положил руку с длинными пальцами на прочитанные листы.

– Понимаете, Владимир Владимирович, – начал он медленно, но собеседник прервал его:

– Саша, ты можешь называть меня просто Володя, как твой отец. Окажи мне любезность, пожалуйста.

– Хорошо, – откликнулся Александр, – тогда можно, я буду звать вас дядя Володя? Ведь папа считал вас своим братом, а это значит, что для меня вы – дядя. Или я не прав?

Мужчина весело рассмеялся и посмотрел на молодого собеседника с большой теплотой:

– Мы с тобой знакомы не более часа, а я уже чувствую себя твоим близким родственником. Можно я тебя обниму? – спросил он, и глаза его заблестели.

Они обнялись. Александр продолжал:

– Я не знаю, кто это написал. Как видите, текст набран на печатной машинке, так что по почерку не определить. Но что совершенно удивительно – так это то, как попали ко мне эти рукописи, – Александр помолчал, пристально глядя на собеседника, как будто пытаюсь увидеть что-то в его глазах.

– Ты рассказывай. По телефону ты мне сказал, что получал их по частям, – прервал затянувшееся молчание дядя Володя, и было ясно, что он, увы, ничего не знал.

– Да, это так. Первую часть рукописи – как раз ту, что вы только что прочли, – я получил по почте в день своего рождения, когда мне исполнилось двадцать девять лет. Я пытался выяснить, кто отправитель, но мне это не удалось. Потом каждый год, опять же в мой день рождения, приходил пакет с новыми главами.

Дядя Володя сказал, задумавшись:

– Ума не приложу, кто бы мог их посылать. И кто написал – тем более. Среди наших одноклассников эпистолярным жанром баловались только я да сам Ися. Но Ися не особенно тяготел к прозе.

– А почему вы думаете, что это одноклассник? Может, это однокурсник или коллега по школе-интернату? Или же кто-то из учеников? – спросил Александр.

– Потому что у Иси не было однокурсников-калужан, а первую главу явно писал человек, хорошо знавший и Ка-

лугу, и наше военно-послевоенное детство.

– Допустим. Но остальные, не калужские главы, тоже написаны с эффектом присутствия. Одно время я даже думал, что разные главы писали разные люди, но стиль повествования все-таки один, так что пришлось отвергнуть эту гипотезу.

– Но видишь ли, я-то других глав пока не читал. Ты можешь мне оставить рукопись?

– Да, конечно. Но она еще не полная, хотя, судя по сюжету, идет к завершению.

– То есть ты предполагаешь, что в один из дней рождения ты уже не получишь подарок по почте?

– Думаю, что нет.

– Мне кажется, тебе будет недоставать этих посылок, и ты будешь ждать чего-то еще. Точно?

– Откуда вы все знаете, дядя Володя? – засмеялся Александр.

– Ох, Саша, как же я счастлив, что познакомился с тобой. Ты такой молодец, что нашел меня, и теперь я смотрю на тебя и вижу, что часть Иси живет в тебе. Ты и внешне на него похож! Но даже это не столь важно по сравнению с тем, как ты чтешь память твоего замечательного отца. Надо же вот, приехать в Москву, чтобы встретиться с его постаревшим одноклассником!

– А еще другом и братом, – добавил Александр, улыбаясь.

– Да, мы называли друг друга братьями еще в школе, и всю

жизнь нас это связывало, несмотря на то, что наши жизненные пути разошлись. Знаешь, я помню, как это было. Как раз после того, как его обидели, и он сбежал из пионерского лагеря.

– Этот эпизод описан в следующей главе.

– Вот как? – воскликнул дядя Володя, – Мне казалось, об этом знали только мы вдвоем.

– Да, в этой рукописи много сюрпризов. Кое о чем, я думаю, не знал вообще никто.

– Ты меня интригуешь. Мне уже не терпится продолжить чтение.

– Я вас понимаю, – улыбнулся Александр, – поэтому я сделал копию специально для вас. – С этими словами он выложил на стол аккуратно прошитую копию. Листы же оригинальной рукописи он бережно собрал и убрал в портфель. Затем он поднялся со стула, собираясь уходить. Растроганный старик обнял своего названного племянника:

– Спасибо, Сашенька. Я уверен, что мы еще увидимся с тобой.

– Конечно, дядя Володя. Я буду ждать от вас комментариев по поводу прочитанного. Может, вам удастся еще что-нибудь вспомнить, – ответил Александр, уже стоя в дверях.

Когда дверь за ним закрылась, Владимир Владимирович вернулся в комнату и снова сел за стол. Сквозь застывшие в его глазах слезы он смотрел на копию, лежавшую перед ним.

– Ися, дорогой мой... – проговорил он тихо. – Как редко виделись мы с тобой в последние годы... Но кто же знал? Кто же знал... – повторил он несколько раз, опираясь лбом на ладони.

– Не грусти, братишка, – вдруг услышал он за своей спиной знакомый голос. Владимир Владимирович обернулся. В комнате никого не было, но ему показалось, что приоткрытая дверь шевельнулась, как если бы кто-то только что вошел через нее или вышел.

– Ися? – невольно проговорил Владимир Владимирович, но ему никто не ответил.

«Вот так наваждение» – подумал он, потирая виски.

В это время в комнату действительно вошли. Это была женщина. Она подошла к старику и тихонько дотронулась до его плеча.

– Ириша, это ты... – вздрогнув, проговорил Владимир Владимирович.

– Я тебя напугала?

– Нет, я просто задумался. А может, и задремал на минутку.

– О чем же ты задумался?

– Садись в кресло, я хочу тебе немного почитать.

– Почитать? – удивилась Ирина. – С удовольствием. Но что ты хочешь мне почитать?

– Про Исю, моего друга и брата. Ты, кажется, его только один раз видела. На том вечере в Зеленогорске, где он пел

под гитару. Помнишь?

– А, Исай Шейнис? Твой школьный друг? Конечно, помню. Удивительно красивый человек. И так одухотворенно он пел, причем, кажется, свои собственные песни?

– Да, собственные. Так вот, садись, слушай.

...

Калуга послевоенных лет была раем для ребятишек. Почему-то Исаю больше всего запомнилось лето – оно всегда было насыщено массой интереснейших событий: играли в мяч и в лапту, бегали через поле в лес, купались в Яченке, рыбачили, собирали гильзы и снаряды, играли в войну, до самой рукоятки вгоняли ножички в черную мягкую землю, запускали самодельных воздушных змеев, следили за голубями, стреляли из рогаток. Этот список можно было бы продолжать и продолжать.

Лишь одно-единственное лето прошло иначе: кажется, Исе было то ли девять, то ли десять лет, когда его отправили в пионерский лагерь. Это было оправдано – в ту пору в лагере, в отличие от дома, было гарантировано хоть какое-то питание. Однако в остальном пионерский лагерь сильно проигрывал дому: распорядок был армейский – все по звонку, везде строем. Бесконечные линейки. Игры тоже были военные. Ко всему прочему, детей тренировали быстро реагировать на воздушную тревогу. Тревога, разумеется, была поддельная, но сирены завывали по-настоящему.

Когда это случилось в первый раз, было раннее утро,

и одеться после сна успели лишь немногие. Сам Ися встретил воздушную тревогу в одних розовых трусиках, доставшихся ему в наследство от старшей сестры. Все бросились куда-то бежать, а Ися замешкался: нужно было непременно спасти свою игрушку – маленького рыжего ослика, с которым он был неразлучен. Мама говорила, что ослика подарил ему отец, тоже ветеринарный врач, ушедший на фронт в сорок первом. Пока Исай искал свою игрушку, остальные ребята успели выбежать из комнаты. Он выглянул в коридор, но там уже никого не было. Тогда мальчик, до смерти напуганный, присел у стены на корточки, закрыл уши руками и зажмурил глаза, потому что звук сирены был нестерпимый, а куда следовало бежать, он не знал.

В этот момент кто-то схватил его за запястья и отвел руки от ушей. Ися открыл глаза: перед ним возвышался пионервожатый из старшего отряда. Это был здоровенный детина с рябым лицом, которого Ися (да и не он один) побаивался. В этот момент сирена внезапно стихла, и в гулкой тишине прозвучало:

– А ты что это тут расселся, жиденок? Самый умный что ли? Была б война, пришибло б тебя, и поделом.

Тут вожатый заметил лежавшего рядом на полу ослика. Может, с высоты своего роста он и не разобрал, что это была игрушка, – принял ее за мусор. Так или иначе, он пнул ослика сапогом, и тот, как смертельно раненый, запрыгал по коридору. Исай замер в оцепенении, глядя ему вслед. Тогда во-

жатый взял его за плечи и поставил на ноги:

– Ну, шуруй уже, – он подтолкнул мальчика в сторону выхода. – Чего ты застыл? Или тебя тоже надо пнуть?

Исай что есть мочи припустил по коридору. Свою игрушку он подбирал на бегу с таким чувством, словно делал это под дулом ружья, направленным ему в спину.

Выбежав на улицу, он увидел, что все отряды уже собрались на плацу, который от его корпуса отделяла редкая изгородь тополей. Нет, идти туда в полураздетом виде, пересекая плац у всех на глазах, было невозможно. Становиться посмешищем – никогда! Путь к товарищам был отрезан, и Исай помчался в сторону леса.

Он бежал по лесным тропинкам, не разбирая дороги. Острые сучья царапали его тело, крапива обжигала руки и ноги, паутина липла к лицу. Через некоторое время он выбежал на пыльную проселочную дорогу и помчался по ней в сторону домов, видневшихся вдали.

Ему повезло – пионерский лагерь находился относительно недалеко от города, поэтому уже через полчаса он оказался на знакомых Калужских улицах. Еще несколько минут – и он стоял у дверей своего дома.

На первом этаже находилась ветеринарная лечебница, где, собственно, и работала его мать. Второй этаж занимали жилые помещения. Исай сразу вбежал внутрь дома. Мать сидела в кабинете и разговаривала с посетительницей. Увидав сына, да еще в таком виде, она до смерти перепугалась.

Тяжело дышавший, весь в пыли, размазанной по исцарапанному лицу и телу, Исай был почти неузнаваем.

Вскоре выяснилось, что произошло, и оба понемногу успокоились. Мальчика отмыли, переодели и накормили. И, разумеется, Штерне Давыдовне пришлось растолковать сыну, что означает «жиденок».

– Если бы этот твой вожатый знал, что творили фашисты в оккупированных городах и селах, он бы никогда не произнес этих слов, – тихо сказала мать. – А ты не злился на него, он это по недомыслию. Заучил, как попугай, и повторяет. А ты, Ися, запомни – твой народ – древний народ с богатой историей, хранящий мировую мудрость.

Исай запомнил слова матери, и потом не раз они помогали ему в жизни. Больше, однако, помогали они терпеть обиды, нежели избегать таковых. Но в эпоху воинствующего антисемитизма (когда, впрочем, он не был воинствующим на Руси?) даже просто научиться гнать от себя ненависть к обидчику – уже было немало. Но главное, Ися узнал в тот день, что он еврей. Что это означало? То, что по рождению он чем-то отличается от своих друзей – Володьки, Владьки, Коли, и от еще многих и многих людей, которых он знал. И этого уже никак нельзя изменить. Это было так странно, к этому надо было привыкнуть, с этим предстояло научиться жить.

На другой день мать съездила в пионерский лагерь и объяснилась с начальством. Она сказала, что ее сын заболел, и не сможет вернуться до конца смены. Ей выдали скудные

Исины пожитки и вычеркнули беглеца из списков лагерных постояльцев. На этом история с пионерским лагерем закончилась, но начался новый этап жизни с осознанием и переосознанием самого себя и окружающего мира.

Утром следующего дня, с еще не зажившими ссадинами и сердцем, бьющимся под придавившим его тяжелым камнем, Ися помчался искать Володьку. Только Володька мог помочь ему скинуть этот камень. Он нашел друга на крыше дома, запускающим воздушного змея. Ися задрал голову кверху и зажмурился – солнце слепило глаза и не давало разглядеть Володину фигуру и его нового змея, то и дело пересекавшего солнечный круг.

– Вова, спускайся, – закричал он.

– Ись, ты что ли? – удивился Володька.

– Я, кто ж еще?

– Здорово! Но ты ведь в лагере.

– Если бы я был в лагере, то не стоял бы здесь, – справедливо парировал Исай.

– Ладно, спускаюсь. Хотя нет – давай лучше ты на крышу полезай. Видел, у меня новый змей?

– Видел. А дверь-то открыта?

– Должна быть открыта.

Дверь, действительно, оказалась не заперта, и Исай, пробежав привычным маршрутом через сени и общую комнату, забрался на крышу дома Соловьевых.

Володька распутывал змея, который только что упал, за-

мотавшись в собственный хвост:

– Видишь, я ему слишком длинный хвост приделал, поэтому, когда ветер меняется, его разворачивает, и хвост наматывается на веревку. А чего ты не в лагере?

– Володя, – как-то очень по-взрослому обратился к своему другу Исай. – Мне надо с тобой поговорить.

– Так мы и разговариваем вроде, – ответил несколько озадаченный Володя.

– Нет, не о змее, – сказал Исай и смутился. Преодолев смущение, он спросил:

– Вов, а мы с тобой очень разные? Как ты думаешь?

– Да нет, – удивился вопросу Володя. – Мне кажется, мы с тобой как братья-близнецы.

– Правда? – обрадовался Исай.

– Ну да, а как еще? – Володя хмурился, ему не нравился слишком серьезный тон и странная тема разговора. – Ты же любишь воздушных змеев и лапту? – нашелся он.

– Люблю.

– А гильзы и ножички?

– Да, очень.

– Ну вот, значит мы одинаковые. А почему ты вообще спросил?

– Я испугался, что вернусь из лагеря, а ты уже со мной не дружишь, а дружишь больше с Димкой или с Колей, или еще с этим... с Шариком.

– Да ты что, Иська? С ума что ли спятил? Чепуха какая!

Ты всегда был и останешься моим лучшим другом. А Шарика вообще давно пора поколотить! Обнаглел совсем – лезет и лезет. А знаешь, Ися, друзья – это как братья, даже еще больше. Я читал, что когда настоящие друзья смешивают свою кровь, то они делаются братьями по крови, то есть роднее родных, и тогда для них дружба делается важнее жизни.

– Володька, я хочу быть твоим братом, – решительно заявил Исай.

– Мировая идея! Давай. Знаешь, как это делается?

– Нет. Как?

Володя подошел к Исе совсем близко и что-то прошептал ему в самое ухо. Это был очень большой и страшный секрет.

Ися в ответ утвердительно кивнул и торжественно произнес:

– Я согласен!

Володя сбегал вниз на кухню и принес самый большой нож. Мальчики по очереди, зажмурившись, порезали себе основание большого пальца. Выступила алая кровь. Содрогаясь от торжественности и, если можно так сказать, первобытной религиозности момента, они соединили раны. Им показалось, что их кровь переливается в жилы друг друга. Это было ни с чем не сравнимое, захватывающее дух ощущение единства, настоящее торжество дружбы и братства.

Отныне это стало их тайной – клятва на крови, выше которой ничего нет и быть не может. Еще много дней подряд,

перед тем как уснуть, Исай думал о том, что у него появился брат. От этих мыслей приятно щекотало под ложечкой. Стал ли теперь он таким же, как Володька? Или Володька стал таким же, как он? Ответ на этот вопрос пришел не сразу. Прежде должны были пройти годы.

...

Они учились, кажется, в шестом классе, когда «плохиш» Шарик (такова была кличка от фамилии Шариков) особенно сильно за что-то невзлюбил Исаю. Он так и норовил подкараулить его после уроков по пути домой. Пару раз Исаю удалось от него сбежать, но в один прекрасный день Шарик в сопровождении команды шпаны загнал его в подворотню между стеной старого дома и сараем. Исе порядочно досталось, но хуже всего была не сама физическая расправа, а то унижение, которое он испытал, узнав о причинах необъяснимой Шариковой ненависти к нему. Слово «жид» вновь всплыло из полубытого прошлого и начало разъедать мозг и душу Исаю, а широкая физиономия Шарика удивительным образом напомнила ему рябое лицо вожатого из пионерлагеря.

Чтобы не дублировать старую историю во всех деталях, Исай решил не рассказывать матери правды о том, что произошло, а лишь сказал, что ему во время игры попали по лицу футбольным мячом. Однако Володе на следующее утро он поведал о случившемся, а заодно изложил и свои соображения по этому поводу. Володя был ростом ниже Исаю, но отличался весьма крепким телосложением. Он слушал

друга, а у самого нервно играли желваки на скулах и подрагивали мышцы рук и ног, готовые незамедлительно ринуться в бой за правду и справедливость.

– Знаешь что, Ися, – сказал Володя, – мне наплевать, еврей ты или нет. Главное, ты – мой кровный брат. Остальное не имеет никакого значения. Если ты еврей, значит, и я еврей, и если тебя обидели, значит, и меня обидели. А Шарик будет иметь дело со мной, и очень скоро пожалеет о том, что сделал.

На следующий день после уроков Шарика, действительно, поколотили под предводительством Володи и Владика. Но было бы наивным ожидать, что это послужит ему уроком. Теперь Шарик еще больше возненавидел Исаю. Помимо национальности, Шарик ставил в вину Исаю и то, что он был отличником, и его умение играть на гитаре. Нет-нет да и приближался он к нему на перемене, зловещим шепотом угрожая расправой после уроков. Все уже знали об их сложных отношениях, и несколько ребят – сторонников Исаю – ежедневно провожали его из школы домой.

Может быть, потому, что Исай был единственным евреем в классе, а сам класс – весьма интернациональным (учились в нем и азербайджанец, и украинец, и поляк, и татарин), может быть, потому что от рождения он обладал дружелюбным и открытым нравом и просто не умел ненавидеть и помнить зло, а может и потому, что его кровным братом был русский парень, ему совсем не хотелось противопоставлять се-

бя остальным. Более того, ему претило думать о том, что он может быть чем-то лучше или хуже других только по факту своего рождения. Таким образом, к концу школы он окончательно выработал свое отношение к еврейской теме: он просто отвергал для себя ее существование.

Прошли с тех пор многие годы. Уже все они, послевоенные школьники, стали взрослыми и, можно сказать, зрелыми людьми. Волны эмиграции одна за другой захлестывали страну: кто-то из их окружения уже успел покинуть Родину и писал *оттуда* письма, как там хорошо, кто-то самозабвенно готовился к отъезду, кто-то рвал на себе волосы, не умея «порвать мучительной связи», а кто-то пускал пену в эпилептически-патриотических припадках, и только Исай оставался холоден – и к разговорам об отъезде, и к стремлению оказаться «среди своих» на Земле Обетованной.

Обострение «еврейской» темы в стране в семидесятых, восьмидесятых и затем девяностых годах парадоксальным образом лишь укрепляло Исаю в его активно-нейтральной позиции, и чем больше накалялась атмосфера вокруг этой темы, тем более подчеркнуто пренебрежительно, и даже иронично, относился к ней он.

...

Компьютер был включен, и из колонок неслась полухулиганская песня, исполняемая под небрежно настроенную гитару. Запись явно была старая, характерным шипением она выдавала свое кассетное происхождение и многократ-

ную историю перезаписей. Александр сидел напротив веб-камеры и смотрел на экран компьютера, где эту песню задумчиво слушал его виртуальный собеседник – пожилой человек с внимательным и немного грустным взглядом.

Жиды пархатые порхают по планете,
И никому они покоя не дают.
На Брайтон-бич теперь носы собрались эти,
И мало ж им, так они песенки поют!

А дядя Хаим никуда не уезжает.
Придет с работы – ни диване полежит.
Давно не мучает его тоска глухая,
И сам забыл уже – он жид или не жид?

Поет там Токарев про «губоньки» Успенской,
И про корнетов стонет Мишенька Гулько,
А диссиденты – кто в Херсоне, кто в Смоленске —
Кричат от горя, что Нью-Йорк так далеко.

А дядя Хаим никуда не уезжает,
И дочку Хаю убеждает горячо:
«Чтоб я так жил! Ты пожалеешь, дорогая!
Здесь Розенбаум есть, зачем тебе еще?»

Поет мишпуха там одесские куплеты
И под гармонь, и под кастрюли, и под что?
Еще не поздно – пришивайте эполеты,
Еще не рано – на сибирское пальто.

А дядя Хаим никуда не уезжает,
И внучку Раю не пускает в самолет:
«В такую глушь! Зачем ты едешь, дорогая?
Тебя твой Ваня и в Рязани отдерет».

Они не гранды, дорогие эмигранты,
Бардак такой же, как у нас, на ихней стрит.
Пообрезала им Америка таланты,
Как один ребе из Калуги говорит.

Вот дядя Хаим – никуда не уезжает.
Придет из бани – поиграет в домино.
И никогда он власть советскую не хает.
С ним вся страна и пол-Одессы заодно.

Неожиданно значок Скайпа погас: видимо, случился перебой то ли у австралийского, то ли у зеленогорского интернет-провайдера. Как только связь восстановилась, Александр вновь увидел лицо Николая Максимовича. Тот очень внимательно глядел куда-то ниже камеры, видимо, в экран монитора, где высвечивалось лицо его собеседника.

– Ну слава Богу, – вздохнул Николай Максимович, – я снова тебя вижу.

– А слышите хорошо? – спросил Александр.

– Да, отлично.

– Удалось песню дослушать или прервалось?

– Удалось, удалось. Но я ведь знаю ее: в нашу последнюю

встречу в девяностом году, в Калуге, Исай ее пел. Тогда еще приехал Булат Окуджава и некоторые наши одноклассники. Мы, помнится, собирались у кого-то дома, уже после того, как отметили юбилей школы.

– Да-да. В рукописи есть про это. Удалось вам ее поччитать?

– Разумеется, я последние две ночи только этим и занимался. Потрясающе! Саша, расскажи, пожалуйста, откуда ты ее взял – этакое чудо?

– Сейчас расскажу, но до этого я у вас хотел спросить, что вы про нее знаете.

– Я-то? А откуда мне знать? Я уже десять лет тут безвылазно. Мы в Австралию когда уехали, Иси уже не было. В тот последний Новый год мы как раз друг друга поздравили, и потом, как гром среди ясного неба, этот звонок от Тамары... Да, рукопись, – вдруг спохватился Николай Максимович, – про рукопись мне никто не говорил раньше. Исай тоже не упоминал ничего. Мы, правда, не очень много и общались с ним. А жаль. Он такой удивительный был человек, сразу к себе располагал. Знаешь, в школе Ися выделялся: высокий, стройный, густые волнистые волосы, темные умные глазища в пол-лица, всегда приветливая улыбка. А по тому, как он правильно и выразительно говорил, сразу было понятно, как он развит и начитан.

– А то, что в рукописи написано, совпадает с вашими воспоминаниями?

– Ты знаешь, в общем-то, да, совпадает, хотя многого я не знал. Про их дружбу с Володей Соловьевым знали, допустим, все, но никто не говорил о том, что они были названными братьями. Про Шарика, конечно же, помню. Я сам участвовал в облаве на него, а потом мы часто Иську до дома провожали.

Александр не выдержал и задал мучивший его вопрос напрямую:

– Николай Максимович, а кто, как вы думаете, мог эту рукопись написать?

– Ты меня об этом спрашиваешь? – удивился далекий собеседник. – Я-то надеялся, что как раз ты мне сейчас расскажешь об авторе и вообще всю эту историю.

Александр поборол разочарование и поведал о том, каким образом он ежегодно получает главы рукописи по почте от неизвестного отправителя. Николай Максимович был крайне удивлен:

– Какая странная, интригующая история. Кто бы это мог писать и отправлять? Может, Володя?

– Я с ним виделся. Он говорит, что это не он, – ответил Саша.

– Тогда, может, Влад Гавриловский? Или кто-то из однокурсников – «гномов»... Я как раз до «гномов» дочитал. Хотя... Гавриловский всегда был склонен к точным наукам, не было у него особенного литературного дара, а однокурсники мало что знали о Калуге, да и о последующей жизни

Исая. А может, жена – твоя мама? Ты не спрашивал у нее? Что она говорит?

– Мамы уже нет... давно, – сдержанно ответил Александр. – Так что вряд ли это она.

– Да ты что? Как же так? Хотя... У них была такая любовь, что она, конечно, не могла жить без Исая. Жаль, очень жаль... Да... и ничего уже не спросишь. Может, она бы хоть распознала, чей это литературный стиль.

– Мама никогда не говорила, что существует какая-то рукопись. Она рассказывала, что отец вел дневник, но сам я никогда его не видел. Я потом просмотрел его бумаги, но нашел только записную книжку с вырванными страницами, папку со стихами и несколько кассет с песнями. Кстати, благодаря записной книжке я и разыскал вас, дядю Володю и остальных.

– Ты молодец. Исай был удивительный человек, и очень хорошо, что ты хранишь о нем память. Нас, стариков, скоро не станет, а через тебя память будет жить долго.

– На самом деле, мы храним разную память. Для вас он был сверстник, одноклассник, друг, а для меня – отец. Но мне не дает покоя то, что кто-то знал его лучше остальных, и сохранил память и об Исае-школьнике, и об Исае-студенте, и об Исае-учителе, и о мечтателе, поэте, и об Исае-шутнике, и о философе. Я с нетерпением жду последние главы, чтобы узнать, кем еще, может быть, был мой отец.

– А ты не исключаяешь, что в последних главах ты полу-

чишь и отгадку авторства?

– Не исключаю, но не хочу обольщаться. Очень уж терпеливый и последовательный мой корреспондент. За несколько лет ни разу не отступил от заданного плана.

– Значит, это точно не женщина, – засмеялся Николай Максимович. – Женщины не способны хранить тайны так долго.

Александр улыбнулся:

– Интересное наблюдение. Надо будет над этим поразмыслить. Кстати, о женщинах – а вы не были знакомы с Людмилой – первой женой отца?

– Кажется, разок мы встречались. Но я ее плохо знал. По поводу нее лучше расспросить однокурсников. С Тамарой мы тоже виделись всего один или два раза. Зато помню Валю. Ты, наверное, знаешь, о ком я говорю – в рукописи есть про нее.

– Как же, «девочка Валя с огненно-рыжими волосами» – первая папина любовь. Очень интересно, и что вы о ней знаете?

– На самом деле совсем не много. Они встречались в девятом классе. Иська очень тщательно ее ото всех скрывал. Сам понимаешь, юность – пора особенно сильной ревности. Ревнуешь даже к неодушевленным предметам. Хотя в случае с Валей ревность была более чем оправдана, скрыть ее от чужих глаз было трудно. Настоящая красавица, каких мало, яркая, развитая не по годам, и к тому же, она была на год

нас старше. Естественно, половина пацанов из нашей школы были в нее влюблены. Ты же помнишь, что в наше время обучение было раздельным, так что девочки учились в другой школе. Мы, пацаны, бегали туда после уроков. Именно на задворках женской школы происходили самые страшные разборки между шпаной. В дело шли и кастеты, и все, что угодно. И, кстати сказать, Валя частенько бывала причиной таких побоищ. Ися же старался держаться от всего этого подальше. Он тогда занимался гитарой во Дворце пионеров, и сразу после уроков, когда мы отправлялись «прогуляться» к женской школе, он бежал на занятия. А что он делал вечерами – этого я точно не знаю. Наверное, это время он как раз и посвящал Вале.

– Да, я видел ее фотографию – удивительно красивое лицо. Послушайте, а вы не знаете, где Валентина теперь? Как сложилась ее судьба?

– Этого я не знаю. Знаю только, что они прекратили общение в пятьдесят третьем году, когда она закончила школу, а Исаю еще оставалось учиться год. Она в то лето уехала из Калуги в Москву поступать. Через год и Исай уехал в Ленинград. И тут она вдруг возвращается обратно в Калугу – то ли не поступила, то ли не прижилась. А может, и то, и другое. Опять же, говорили, что она с какими-то блатными связалась в Москве, и вынуждена была чуть ли не бежать оттуда. Тогда, если ты знаешь, объявили амнистию, и из лагерей выпускали всех, кого не попадя, кроме политических, ра-

зумеется. Кто его знает, что с ней случилось в Москве, но она вернулась и напрямиком отправилась к Исаю, а его уже нет. Тогда она поехала в Ленинград. Наверное, хотела его найти, хотя, кто ее знает. А потом что с ней было, я уж не в курсе. Мы ведь тогда после школы все разъехались кто куда, у всех новая жизнь началась, и девчонки, с которыми мы росли, нас уже не так сильно интересовали. Я и не спрашивал Исю про нее. Как-то не до того было – встречи были редкими, не успевали наговориться. Да и сам понимаешь, без выпивки не обходилось, а когда выпьешь, так уж тем более не до старых воспоминаний. Молодые же все были, задору было много. Хотелось бежать вперед, а не оглядываться назад. Вот так вот...

– Да, я прекрасно вас понимаю. Хорошо вы сказали – не до воспоминаний. А вы не помните, Валина фамилия случайно не ... – и Александр назвал фамилию из отцовской записной книжки.

– Кажется, да, – оживился Николай Максимович. – Да, все верно. А как ты узнал?

– Я ее питерский адрес у отца в записной книжке видел. Только не был уверен, точно ли это она. Теперь вот буду знать.

– Так ты, наверное, можешь съездить по этому адресу? Ты не думал об этом?

– Да, но пока я не был уверен, что это та самая Валентина, как-то было непонятно, зачем и к кому я поеду. А те-

перь другое дело. Запись, правда, конца пятидесятых, так что слишком много лет прошло. Может, и зря время потеряю.

– Ничего не зря. Отрицательный результат – тоже результат, – подбодрил Александра Николай Максимович.

– Ну все. Записываю себе на вторник – съездить на Ваську, – говорил Александр, набирая что-то на клавиатуре своего компьютера.

– Как ты сказал? На Ваську? – удивился Николай Максимович.

– Ну да, – рассмеялся Александр, – на Васильевский остров. Это наш питерский сленг такой. Там она жила. Или живет, – поправил он сам себя.

2. «А вдруг сирень цветет – не только в мае?»»

Валя. Это имя пролегло границей между детством и тем, что было после. Оно отделило детство от всей последующей жизни, навсегда превратив его в прошлое.

Когда они познакомились, а точнее, когда он впервые увидел ее, ему было четырнадцать, ей – пятнадцать. Надо полагать, что она отсчитывала срок их знакомства от какой-нибудь более поздней даты: тихий большеглазый мальчик на год младше нее не смог бы оставить след в ее памяти. Зато в его память первая их встреча врезалась так глубоко, что потом ни годы, ни другие увлечения не смогли ее стереть.

Это было дуновение ветра, стремительное движение, навсегда застывшее в фотографической судороге памяти. И много лет спустя, закрыв глаза, он мог наблюдать, как длинноногая девочка с развевающимися огненными волосами сбегает вниз по высокой лестнице на фоне ослепительно-белой стены, освещенной солнцем.

Стена эта, без сомнения, принадлежала Калужскому Дворцу пионеров, где Исай занимался гитарой, а Валя пела в хоре.

Не обратить на Валу внимание было невозможно: слиш-

ком яркой была ее внешность и слишком независимо она держалась в любой компании. Девочки инстинктивно тянулись к ней и подражали как могли. Мальчики же, из тех, что постарше да посмелей, боролись за ее внимание. За право проводить ее до дома шло нешуточное соперничество. Валя позволяла себя провожать и нести свою сумку, но по дороге часто подтрунивала над ухажером. Этот особый тон распространялся на всех мальчишек без исключения, и многие уже испытали его на себе. Какое-то время они ходили насуспенные, глядя исподлобья, как кто-то другой несет Валину сумку. Но количество желающих от этого не убывало. На этой почве случались и ссоры, и драки.

Исай все это наблюдал на протяжении учебного года, удивляясь поведению мальчишек и девчонок-подражательниц. Он, похоже, был одним из немногих, на кого Валины чары не действовали чересчур губительно.

Как-то раз, уже в последних числах мая, он сидел в классе и старательно повторял особенно сложный музыкальный пассаж. Поначалу гитара не хотела подчиняться ему, но вдруг он почувствовал, как пальцы сами собой встают на нужные лады, и мелодия не просто получается, а получается очень даже недурно. Это вдохновило мальчика, и он стал снова и снова проигрывать наиболее сложные места. Он и сам не заметил, как мелодия, изложенная в нотах, осталась позади, и он уже играл что-то свое, только что сочиненное. Щеки его пылали, и в голове стучал пульс, отбивая ритм че-

тыре четверти – в такт с музыкой, которую он играл.

И вдруг он затылком почувствовал, что за его спиной что-то происходит: то ли воздух у его головы сгустился, то ли он услышал звук приоткрываемой двери, или же громче зазвучали голоса в коридоре. Так или иначе, он обернулся и увидел, что через приоткрытую дверь на него смотрит Валя. Она поймала его взгляд и улыбнулась, но тут же нарочито захотала над чем-то, сказанным подругой.

Сердце Исаея продолжало колотиться – и от музыки, которую он только что играл, и от *ее* внимания. Позже он так и не смог воспроизвести эту мелодию, однако, стоило ему лишь представить Валины взгляд и улыбку, как испытанное в тот момент возбуждение вновь возвращалось, заливая краской лицо и заставляя сердце биться в ускоренном темпе.

Этот особый темп и впоследствии вызывал в нем всплеск музыкальных эмоций; в такие минуты оставалось только брать гитару и воспроизводить звучавшую в сердце музыку.

...

К маю солнце раскочегарилось и начало согревать воздух и землю. Яркие лучи с самого утра ползли по классу и к обеду добирались до классной доски. Близость лета терзала душу. Солнце звало за собой, не давая сосредоточиться на написании последней в этом году контрольной. Вообще, сидение за партой оправдывалось лишь тем, что это было в последний раз перед долгими летними каникулами.

На перемене Володя спросил Исаея, что с ним случилось,

и в каких облаках он витает.

– Знаешь, Вовка, мне кажется, я могу сочинять музыку.

– Здорово! Помнишь, мы хотели с тобой ансамбль создать, ну, или дуэт. Может, пришло время?

– Было бы хорошо, – задумчиво ответил Исая. Он вдруг представил себе, как они с Володей будут выступать на каком-нибудь концерте во Дворце пионеров или, еще лучше, в городском парке, а среди зрителей непременно будет Валя.

– Все равно не понимаю, чего ты такой кислый? – не унимался Володя, видя замедленную реакцию друга.

– Да нет, я не кислый. Просто задумался. И вообще, не знаю... что-то мне неохота уходить на каникулы.

– Да ты что? Спятил, что ли? – удивился Володя. – Что может быть лучше каникул?!

Исаю пришлось согласиться, что каникулы – это здорово, но все-таки он будет скучать по урокам музыки. Он не был пока готов раскрыть другу истинные причины своей задумчивости. Да и причина, на самом-то деле, была одна – в течение трех месяцев он не увидит Валу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.